

Глава 2.

Религия имеет значение

В этой книге мы утверждаем, что секуляризация ускорилась, но не считаем, что религия — результат невежества или «опиум для народа». Напротив, теория эволюционной модернизации опирается на предположение, что любой феномен, распространившийся настолько широко и просуществовавший так долго, как религия, вероятно, способствует выживанию индивида и общества.

Одна из причин, по которым религия распространилась и сохранилась, — это поощрение ею щедрости и благотворительности, которые были решающими для выживания человечества в отсутствие системы социального обеспечения. Степень укорененности этих принципов могла стать вопросом жизни и смерти для наиболее уязвимых групп в тяжелые времена.

Религия также помогала контролировать масштабы насилия. Этому были посвящены недавние экспериментальные исследования влияния религиозности и посещения богослужений на проявление насилия, с учетом социально-демографических переменных. Согласно результатам логистического регрессионного анализа, религиозность — но не участие в богослужениях — при прочих равных условиях продемонстрировала значимую обратную зависимость с проявлениями насилия [Benda, Toombs 2000]. Другое экспериментальное исследование показало, что после прочтения текста с описанием насилия, который приписывали Библии, или древней рукописи, содержащей утверждение о том, что Бог одобряет насилие, уровень агрессии у испытуемых повышался. Такой результат предполагает, что одобряемое Богом насилие в священных текстах способно увеличивать агрессию, особенно среди верующих [Bushman, Ridge, Das, Key, Busath 2007].

Религия может определять природу межгрупповых конфликтов, но конфликты также могут оказывать влияние на религию. Согласно исследованиям, использующим смешанные, качественные и количественные методы, угроза вооруженного конфликта и межгрупповых столкновений увеличивает психологическую потребность в порядке и подчинении правилам, что повышает запрос на жестко регулируемое общественное устройство, а также приводит к тому, что люди приписывают Богу больше карательных функций [Caluogi, Jackson, Gray, Gelfand 2020].

Другая причина такой широкой распространенности религии на протяжении столь длительного времени — это то, что она благоприятствует душевному здоровью и помогает справиться с чувством незащищенности. Практически все мировые религии гарантируют своим последователям, что, хотя каждый отдельный человек и не может познать или предвидеть будущего, высшие силы позаботятся, чтобы все устроилось либо в этой, либо в другой жизни. Как религия, так и светские идеологии убеждают людей в том, что у Вселенной есть план и что если ты соблюдаешь правила, то все в конечном счете сложится благополучно. Такая уверенность снижает стресс, помогая людям справиться с тревогой и концентрироваться на решении проблемы выживания. В отсутствие такой системы верований чрезмерный стресс чреват синдромом социального бегства.

Под влиянием стресса люди испытывают потребность в жестких, предсказуемых правилах. Такие правила необходимы, так как выживание не гарантировано и цена ошибки велика. Впрочем, те, кто был воспитан в безопасных условиях, могут справиться с большей неопределенностью и испытывают меньшую потребность в абсолютных религиозных правилах. Они с большей готовностью могут принимать отклонения от знакомых паттернов, по сравнению с теми, кто не уверен в своем выживании. Жизнь в обществе, для которого характерна экономическая безопасность и в котором присутствует система социального обеспечения, гарантирующая людям поддержку в случае бедности или болезни, способствует уменьшению потребности в абсолютных правилах и, как следствие, закату традиционных религиозных институтов.

На протяжении почти всей мировой истории религия помогала справляться с чувством незащищенности. Когда люди переживали го-

лод, насилие или болезни — что случалось достаточно часто, — религия несла им уверенность, что их будущее находится в руках у непогрешимых высших сил, подчинение которым обеспечивает благоприятный исход. Такая вера придавала смелости справляться с обстоятельствами, несущими угрозу, вместо того чтобы впасть в отчаяние, а это, в свою очередь, увеличивало шансы на выживание.

Наличие системы твердых убеждений благоприятно как для физического, так и для душевного здоровья. Недавний когортный анализ взрослых жителей США выявил связь уверенности в смысле жизни со снижением коэффициентов смертности [Alimujiang, Wiensch, Boss, Fleischer, Mondul, McLean, Pearce 2019]. Более того, существует множество эмпирических подтверждений того, что верующие люди счастливее неверующих. В подавляющем большинстве стран, где проводится Всемирный обзор ценностей, верующие, как правило, счастливее неверующих [Inglehart 2018: 164–166]. Возможно, потому что первые чаще видят цель своей жизни, верят в благоприятное развитие событий, несмотря на неопределенность, и как проявляют, так и опираются на социальную солидарность, связанную с религиозными нормами, — щедростью и благотворительностью.

Система твердых убеждений также позитивно сказывается на психологическом благополучии, при этом она необязательно должна быть религиозного свойства. Несмотря на то, что исторически именно религия оказалась наиболее распространенной, иные системы убеждений также могли выполнять эту функцию. Коммунистическая идеология была главной альтернативой религии в XX веке, и после коллапса коммунистического блока и дискредитации его идеологии субъективное ощущение благополучия в бывших коммунистических странах снизилось до исторического минимума [Ibid.: 158–164].

Согласно Джареду Даймонду, эволюционные биологи считают, что религия — это побочный продукт некоторых свойств человеческого мозга, которые изначально выполняли другие функции:

Весьма вероятно, что религия была побочным продуктом все более уточненной способности нашего мозга к выведению причин, субъектности и намерений, к предчувствию опасности и таким образом — к созданию объяснительных схем с достаточной предсказательной способностью, чтобы помочь человечеству

выжить... <...> Естественный отбор усовершенствовал наш мозг таким образом, чтобы извлекать максимум информации из самых незначительных сигналов, а наш язык так, чтобы передавать информацию как можно более точно, даже ценой неизбежного риска часто приходиться к ложным заключениям.

Например, мы понимаем, что у других людей есть намерения, равно как и у нас самих, и что индивиды отличаются друг от друга. Следовательно, значительная часть активности нашего мозга отводится на попытки понять других людей и на отслеживание исходящих от них сигналов, таких как выражение лица, интонация, действия и слова. Эта активность нацелена на прогнозирование того, что конкретный индивид может сделать в следующий момент, и на определение того, каким образом мы можем повлиять на его поведение нужным способом... <...> Основная причина нашего успеха как вида — это способность нашего мозга находить подобные причинно-следственные связи.

Мы постоянно дорабатываем объяснительные схемы. Среди традиционных толкований были те, что привели к верным предсказаниям по причинам, которые впоследствии были признаны правильными с научной точки зрения. Были и те, что дали верные предсказания, но по причинам, которые не получили научного обоснования. <...> И наконец, были те, что привели к ложным предсказаниям. Например, охотники-собиратели чрезмерно обобщают субъектность и наделяют ею, помимо людей и животных, другие предметы, которые могут двигаться, такие как реки, солнце и луна [Diamond 2013: ch. 9].

По утверждению Даймонда, в истории человечества религия выполняла семь разных функций. Их важность варьировалась: одна и та же функция могла быть ключевой на протяжении одной фазы развития общества и совершенно отсутствовать в другую. Перечислим эти функции:

- (1) сверхъестественные объяснения;
- (2) уменьшение тревожности с помощью ритуала;
- (3) примирение с болью и смертью;
- (4) стандартизированная организация;
- (5) проповедь покорности вышестоящим;

- (6) моральный кодекс поведения с незнакомцами;
- (7) оправдание войн.

Даймонд считает, что при условии роста общемирового уровня жизни через 30 лет мы продолжим наблюдать снижение важности функций 1 и 4–7, в то время как 2-я и 3-я функции — уменьшение тревожности и примирение с болью и смертью — будут оставаться востребованными [Diamond 2013: 367–368].

В дополнение к семи функциям, перечисленным Даймондом, я добавлю, что религия также предписывала следование нормам, способствующим повышению рождаемости, которые влияли на выживание общества в условиях низкой продолжительности жизни и высокой младенческой смертности, характерных для большей части мировой истории. Обстоятельства, породившие эти нормы, для большинства стран уже в прошлом. Однако вследствие того, что религиозные нормы всегда преподносились как абсолютные и вечные заповеди, они устойчивы к изменениям.

Уверенность в выживании становится все прочней. С 1970 по 2010 г. доходы и продолжительность жизни росли, а младенческая смертность сокращалась во всех регионах мира [Human Development Report 2013]. Наблюдается долгосрочный глобальный тренд на снижение бедности, безграмотности и смертности [Ridley 2011; Hughes and Hillebrand 2012]. Войны, преступность и насилие также на спаде уже несколько десятилетий [Gat 2006; Pinker 2011]. Вместе с послевоенным экономическим чудом и появлением государства всеобщего благосостояния эти тенденции создали условия, в которых многие люди в Западной Европе, Северной Америке, Японии, Австралии и Новой Зеландии выросли, принимая выживание как должное, что привело к межпоколенческому сдвигу от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Страны уже не нуждаются в высоком уровне рождаемости, и он значительно снизился. Технологии контроля рождаемости, развитие бытовой техники и совершенствование детских учреждений открыли женщинам возможность совмещать воспитание детей с полноценной карьерой. Традиционные нормы рождаемости уступают место нормам индивидуального выбора в том, что касается гендерного равенства, разводов, аборт, — тем нормам, которые дают людям больше возможностей решать, как строить свою жизнь.